

Виктор ЕРОФЕЕВ:

Я пишу для молодых красивых людей БЕЗ КОМПЛЕКСОВ

Катерина ПРОКОФЬЕВА

«Не сравнивайте Пелевина с успокоительным»

- Сорокин как-то сказал, что Пелевин для читателя - это реланиум или феназепам, сам он, Сорокин, - героин... А вы кто?

- Если Сорокин что-то говорит, необязательно к нему присоединяться... Кстати, это обидно для Пелевина, что он приравнен к успокоительному средству. А я бы не хотел никого обижать. Меня в детстве научили одному хорошему правилу. Мы поехали в гости к французским актерам Симоне Синьоре и Иву Монтану. Мама спросила Симону: «Как вы относитесь к Брижит Бардо?», а она ответила: «Она - моя коллега, я о

коллегах плохо не говорю». Поэтому я не хочу никого ни с кем сравнивать.

- У Сорокина родители едят дочку, у вас идиот отрезает жене голову секатором. Люди этого не хотят. Чернухи и ужасов они в жизни нахлебались...

- А люди не считаются. Мало ли чего они не хотят... Когда вышла моя «Русская красавица» и меня объявили в России порнографом, у меня было двести отрицательных статей, за исключением единственной положительной рецензии французского критика из Сорбонны. Я поехал в Голландию, где моя книжка стала бестселлером. Ко мне в очереди стояли, как за хлебом. Подходит красивая голландская девочка (что редкость) и говорит: «Я прочла, подпишите, пожалуйста. Все в книжке хорошо, только секса нет».

- Кто лучше воспринимает ваши книги - российские читатели или западные?

- Никогда не думал о том, как мою книгу воспримут здесь или там. Мои читатели - это молодые, красивые люди без комплексов. Мои книги посвящены неглупым, веселым и отвязным. Дуры и уродки меня не воспринимают. Мужчины всегда хуже реагируют, они просто считают, что мне много

дано, и завидуют. Женщины более адекватны.

«Довлатов так мило пил водку»

- По рассказу «Жизнь с идиотом» была сделана опера, по «Русской красавице» - фильм. Хотя, говорят, писателей с ярко выраженной авторской интонацией трудно экранизировать. Это относится к Булгакову, к Довлатову... А к вам?

- Я не большой поклонник Булгакова, знаете ли. Он - довольно посредственный писа-

! - Дуры и уродки меня не воспринимают

тель, хотя очень достойный человек. Что же касается людей, которые занимались переносом моих произведений, то в первом случае это был гений Шнитке, который просто подсветил мой текст. Во втором случае был Саша Рогожкин, он сделал действительно хороший фильм...

А Довлатов, которого я знал в Нью-Йорке, был очень милым. Однажды мы с критиком Владимиром Соловьевым пришли к Сереже в гости на пельмени. Он тогда завязывал с водкой, пил только морс, и жена с тещей не могли на него нарадоваться. Мы пили,

а Довлатов - нет, только много говорил о том, что никогда не покупает русскую водку, чтобы не поддерживать русское правительство.

Потом тетки отвалили делать чай, а Довлатов допил морс, быстро налил стакан водки и жадно выпил. Немедля налил еще раз до краев и тоже выпил. Тети возвращаются с кухни - радостные, что Сережа не пьет, а он - просто никакой, его шибануло сразу и смертельно, сидит себе со слюной в уголке рта. Те ничего не понимают, смотрят на нас. Как так? Только что был абсолютно трезвый... Да, Довлатов очень милый человек.

- Вы когда-нибудь интерпретируете заново свои тексты?

- Один раз такое было. Я написал «Галошу» с одним намерением, а когда перечитал, понял, что рассказ перевернулся, как ребенок в утробе...

- Есть что-нибудь в жизни, что вас больше всего удивляет?

- Если серьезно, меня больше всего удивляет то, что мы еще выживаем. На Западе, в России и на Востоке. Хотя это почти невозможно, энтропия очень далеко зашла везде. Мы еще делаем попытку выживать, очень последнюю попытку. Это горстка праха. На слове «праха» мы ставим точку.